

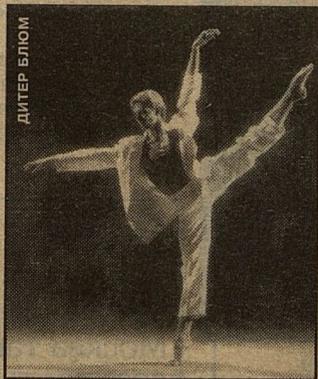
Сегодня — 1995 — 15 НОЯБ.
Принц-трудоголик

В Германии издана биография Владимира Малахова (Najda Baier, Jurgen Holwein: Vladimir Malachov — Ein Jahrhunderttänzer. Фотоэссе — Dieter Blum. Cantz Verlag, Ostfildern).

...Штутгарт мог бы заполучить его навсегда: именно здесь Урсуляки предложили танцовщику, когда он решил остаться на Западе, нечто вроде второго дома. Однако для балетной дирекции Штутгарта он оказался слишком хорош. Стоило ему пару раз сплясать со Штутгартским балетом, ответственные за его приглашение задрожали от страха: такое количество чисто классической компетентности и высшего качества оказалось для них слишком опасной тайной. Поэтому он танцует в Штутгарте от случая к случаю, чаще с труппой Урсуляка, состоящей из учеников Кранко. В Штутгартском балете ему позволяют срочные замены, если вдруг турне под угрозой срыва: принцы в этой труппе вообще-то кончились. Пользуясь замешательством Штутгарта, Малахов прибрал к рукам балет венской Штаатсопер. Он успел к тому же стать Principal Dancer в Канадском национальном балете Торонто и получить гостевой контракт в American City Ballet — но при этом, кажется, ни в одной из этих трупп еще не почувствовал себя как дома.

Но именно в Штутгарте вышла в свет первая книга о нем, которую, пожалуй, назвали уж слишком цветисто: «Владимир Малахов — танцовщик века» (вот уж никогда он не сказал бы этого о себе сам — при его-то скромности; так звучал один из пошло-броских заголовков в венской прессе, столь привычный в ежедневных газетах). Биография дана в виде интервью, которые взял у Малахова штутгартский журналист Юрген Хольвайн, оформлена фантастическими черно-белыми фотографиями штутгартского фотожурналиста Дитера Блума, дополнена короткими высказываниями Александра Урсуляка и Ренато Дзанеллы. Книжка хороша, в фотографиях виртуозно обыграны свет и тени, а главное, передано, хотя бы частично, основное в танцевальной индивидуальности Малахова: эльфическая породистость и плутовской шарм. Для меня лично он — возвысившийся до амплуа danseur noble Пак из «Сна в летнюю ночь», и это в немалой степени связано с его, ничего не попишешь, очень русской физиономией.

Малахов, которому в этом году исполняется двадцать семь, родился на Украине, учился в Московском балетном училище, в Москве же получил педагогиче-

ский диплом и какое-то время входил в труппу Натальи Касаткиной и Владимира Василева. За последнее время сумел перетанцевать всех возможных классических принцев, но также и Баланчина, Эштона, Кранко, Макмиллана (сдается, к его лучшим ролям принадлежит Де Грие в венском спектакле «Манон») и Дзанеллу — последний занял в творчестве Малахова особое место, потому что именно с Дзанеллой работа идет на подъем.

Труд, труд, труд — это главная нота семи бесед Малахова и Хольвайна. В интервью, ясное дело, затронуты и семья, в которой вырос танцовщик, и его детство, и школьные впечатления, и карьера — но, о чем бы ни шла речь, все сводится в результате к балетному классу, к тренингу, к репетициям, к постоянному, никогда не иссякающему стремлению стать еще лучше, еще совершенней. Об общественном фоне его юности, прошедшей в Советском Союзе, мы не узнаем ровным счетом ничего — равно как и о его частной жизни. Не говорится почти ничего и о работе над ролями. Об этом можно только пожалеть: много раз видав Малахова на сцене, никак не могу поверить, что он действительно столь одномерен, каким получается в беседах, — трудоголик, чье существование исключает все жизненные интересы, кроме балетного класса и подмоштков. Не пожелал бы артисту, чтобы он оказался в действительности таким. Но ему пока только двадцать семь — времени еще предостаточно, чтобы открыть существование многих пленительных вещей в этом манящем мире, который все же не замыкается на балетной палке, зеркале и рампе.

Хорст КЕГЛЕР (Штутгарт)